

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-70-82

УДК 1 (091)

НЕУЛОВИМЫЙ ГЕРМЕС: К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГЕРМЕСА И ТОТА И МИСТЕРИАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ГЕРМЕТИЗМА*

Золотухина Анастасия Игоревна,

*кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института философии и права
Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
ORCID: 0000-0001-9332-1337
a.auriauris@gmail.com*

Аннотация

В статье рассматривается история отождествления греческого Гермеса и египетского Тота, приведшая к появлению фигуры Гермеса Трисмегиста, основателя герметизма. Проникновение в сложный генезис этой фигуры связано с решением важного для оценки явления герметизма вопроса: какое значение в герметизме придавалось мистериальной составляющей? Проблема обусловлена структурой самого Герметического корпуса, состоящего из философских текстов греческого происхождения и эзотерических текстов, восходящих к египетской традиции. История герметизма представлена в статье как история взаимовлияния Древнего Египта и Древней Греции. Прослеживается связь пифагорейства, Гермеса и египетских мистерий через фигуру Пифагора. Через Платона, дающего оригинальный взгляд на Гермеса и Тота, осуществляется переход к эллинистическому Египту, где произошло отождествление этих двух божеств, и далее к первым свидетельствам о Гермесе Трисмегисте. Ставится вопрос о предпосылках такого отождествления: рассматриваются основные тождественные, на первый взгляд, функции Гермеса и Тота: функции психопомпа и повелителя слова. В первом случае обращается внимание на уникальную для греческого Гермеса функцию управления памятью, во втором – разводятся сферы устного слова и записанного текста, связанного с магическими египетскими практиками. Немаловажно развитие Гермеса от бога к даймону и, наконец, к человеку (свидетельства Платона и позднейшая герметическая мифология) – это обеспечило Гермесу возможность стать центральной фигурой и проводником мистического учения, подобно Орфею. Греческий культ Герме-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00025.

са сравнивается с египетским, на основании чего устанавливаются элементы обеих традиций в синкретическом феномене Трисмегиста. Приводятся свидетельства о ритуальной стороне египетского культа Гермеса. Делается вывод о необходимых этапах, которые должно было пройти представление о Трисмегисте для формирования герметизма как трансцендентной философско-эзотерической системы.

Ключевые слова: история герметизма, мистерияльные культы, Гермес Трисмегист, Тот, египетская магическая традиция, пифагореизм, Платон, древнегреческая религия.

Библиографическое описание для цитирования:

Золотухина А.И. Неуловимый Гермес: к вопросу об идентификации Гермеса и Тота и мистерияльном характере герметизма // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 4, ч. 1. – С. 70–82. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-70-82.

Введение

Марк Туллий Цицерон в трактате «О природе богов» дает следующую характеристику богу Гермесу:

Из Меркуриев один родился от отца Неба и матери Дня, у него, по преданиям, позорно похотливая природа, так как он возбудился при виде Прозерпины. Еще один, сын Валента и Корониды, живет под землей, он зовется еще Трофонием. Третий – сын Юпитера третьего и Майи; от него и Пенелопы, говорят, родился Пан. Четвертый имел своим отцом Нила, египтяне считают недозволенным называть его по имени. Пятый, которому поклоняются фенеты, как говорят, убил Аргуса, по этой причине бежал в Египет и сообщил египтянам законы и письменность. Египтяне этого называют Тотом, и так же называется у них первый месяц в году¹ (Cic. N.D. III.56, перевод М.И. Рижского).

В приведенном отрывке Цицерон дает своеобразное решение проблеме сосуществования нескольких мифологических и культовых Гермесов в ойкумене I в. до н. э. Трое из пяти описанных Меркуриев являются греческими, двое – египетскими, при этом последний, пятый, на самом деле тоже греческого происхождения. Настоящая статья посвящена истории этого пятого Гермеса, одновременно греческого и египетского: предпосылкам и процессу идентификации греческого Гермеса и египетского Тота, приведшей в конечном итоге к появлению синкретической фигуры Гермеса Трисмегиста, псевдоисторического основателя герметизма. Проникновение в сложный генезис этой фигуры связано с решением важного

¹ “Mercurius unus Caelo patre Die matre natus, cuius obscenius excitata natura traditur quod aspectu Proserpinae commotus sit, alter Valentis et Phoronidis filius is qui sub terris habetur idem Trophonius, tertius Iove tertio natus et Maia, ex quo et Penelopa Pana natum ferunt, **quartus** Nilo patre, quem Aegyptii nefas habent nominare, **quintus** quem colunt Pheneatae, qui Argum dicitur interemisse ob eamque causam Aegyptum profugisse atque Aegyptiis leges et litteras tradidisse: hunc Aegyptii Theyt appellant, eodemque nomine anni primus mensis apud eos vocatur”.

для оценки явления герметизма вопроса: какое значение в герметизме придавалось мистериальной составляющей, можно ли считать герметизм мистериальным явлением?

Последний вопрос решался исследователями и издателями герметических текстов по-разному: *opinio communis* менялось в свете новых находок. С точки зрения первых издателей Герметического корпуса², Артура Дерби Нока и Андре-Жана Фестюжера, герметизм презирал материальную сторону культа и был скорее «мистерией слова»: именно отсутствие в нем таких типично мистериальных составляющих, как обряды очищения и эпифании, резко отмежевывают герметизм, например, от орфизма. Кроме того, отсутствие в герметизме принципиально новых идей и его синкретический философский характер не позволяют считать это явление религией [9, р. vi]³. Открытие в 1945 г. коптской библиотеки в Наг-Хаммади, содержащей, помимо прочего, три герметических текста, пролило новый свет на этот вопрос и позволило таким исследователям, как Ж. Киспель, сравнивать герметическое сообщество с масонской ложей и утверждать присутствие в их практике таких ритуалов, как крещение Духом и священная трапеза [8, р. 9]. Точка зрения современных исследователей предполагает существование сообществ, практикующих определенные ритуалы и использующих молитвы, входящие в состав герметических текстов [8, р. 10; 2, р. 77 ff.]. Вопрос о мистериальной составляющей герметизма остается во многом открытым и укоренен в принципиальной разнородности Герметического корпуса.

Corpus Hermeticum представляет собой собрание текстов, созданных приблизительно в I–III вв. н. э. и подразделяющихся на две разновидности: философские и магические, или эзотерические. Несхожие по содержанию тексты объединяются именами их автора, Гермеса Трисмегиста, и его учеников. Философские тексты черпают из современной им греческой философии (средний платонизм, аристотелизм, стоицизм), эзотерические являются плодом древней магической традиции Египта. Магические, а точнее, астрологические тексты корпуса считаются наиболее древними, восходящими, вероятно, еще ко II, а по мнению Фестюжера, и к III в. до н. э. [6, р. 100]; наиболее вероятно, что эзотерическая часть корпуса создана египетскими жрецами [3, р. 12] и обусловлена особенностями культа египетского бога Тота, в определенный момент отождествленного с греческим Гермесом. В частности, упомянутые выше астрологические и астрономические знания, по многочисленным свидетельствам греческих

² Первые два тома первого издания вышли в 1946 г., третий и четвертый тома – в 1954 г.

³ «L'hermétisme n'impliquait ni purifications, ni cérémonies pour laver du péché, ni même de ces pratiques destinées à produire une épiphany divine comme on en voit, associées au nom d'Orphée, dans des hymnes tardifs: les seuls mystères hermétiques sont les “*mystères du Verbe*”, et l'on constate en revanche, presque toujours, une répugnance marquée à l'égard du culte Populaire”.

авторов, приписывались египтянами Тоту. Страбон (XVII.1.46) пишет, что египетские жрецы – все астрономы и философы, и «всю мудрость такого рода они возводят преимущественно к Гермесу» (перевод Г.А. Стратановского). Ранее, в IV в. до н. э., ученик Аристотеля Аристоксен, рассуждая об истории арифметики, говорит, что Пифагор значительно продвинул ее вперед, но выучил у египтян; «египтяне же считают, что число – это открытие Гермеса, которого они называют Тот (Αἰγύπτιοι δὲ Ἑρμοῦ φασι εὕρημα, ὃν καλοῦσι Θῶθ). А другие вывели число из круговращений божественных светил» (Aristox., fr. 23 Wehrli; перев. Л.Я. Жмудя, см. [1, с. 308]). Этот отрывок содержит сразу несколько важных тем, о которых подробнее речь пойдет ниже: Гермес/Тот, египетский Гермес как изобретатель наук, Египет и Пифагор.

История становления античного герметизма на первом своем этапе представляет собой историю взаимного влияния египетской жреческой религиозной мистериальной традиции и греческой философии. Это влияние обеспечивало обеим сторонам значимость благодаря авторитету обеих традиций. Немаловажно, что уже начиная с Геродота античные авторы приписывают мудрость греческих философов Египту и в конечном итоге жрецам Гермеса-Тота. Прежде всего с Гермесом и Египтом так или иначе оказываются связаны Пифагор и Платон.

Пифагор, как сообщает Исократ в «Бусирисе», обучался в Египте, «обратив особое внимание на их <египтян> жертвоприношения и очистительные церемонии, совершавшиеся в святилищах» (Isoc. 11.28, перевод М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева). С другой стороны, Пифагор непосредственным образом связан с Гермесом, а именно, некогда он был его сыном⁴. Диоген Лаэртский со ссылкой на философа и ученого IV в. до н. э. Гераклида Понтийского сообщает: «О себе он говорил (по словам Гераклида Понтийского), что некогда он был Эфалидом и почитался сыном Гермеса; и Гермес предложил ему на выбор любой дар, кроме бессмертия, а он попросил оставить ему и живому и мертвому память (μνήμην) о том, что с ним было. Поэтому и при жизни он помнил обо всем, и в смерти сохранил ту же память» (VIII.4, перевод М.Л. Гаспарова). Миф об Эфалиде подробнее изложен, например, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (I.640 сл.), но его упоминает еще Ферекид, мифограф VI в. до н. э., а также он встречается в «Орфической Аргонавтике» (133). Важно, что в данном случае Гермес никак не маркирован Египтом, из чего можно заключить, что функция повелителя памяти, не подвластной летеискому забвению, у Гермеса – греческая. Впоследствии эта функция сыграет значительную роль в позднем, уже европейском герметизме эпохи Возрождения.

⁴ Объединяя обе ветви этого создания авторитетного прошлого, Гелиодор в «Эфиопике» объявляет Гомера египтянином и сыном Гермеса (III.14.2).

От Пифагора к пифагореизму. В этой связи невозможно не вспомнить об известном пассаже из Геродота, где он, упомянув об одинаковом у египтян, орфиков и пифагорейцев запрете на шерстяные ткани, уточняет, что орфические и вакхические мистерии происходят от египетских и (возможно) пифагорейских (П.81). Текст можно интерпретировать по-разному, однозначно он позволяет заключить только о том, что для Геродота дионисийские мистерии происходят из Египта (подробнее об этом см. [4, р. 71 ff.]), но некоторые исследователи (напр., [3, р. 38]) уверены, что Геродот отождествляет египетские и пифагорейские мистерии и выводит из них орфизм. Интересно, что на данном этапе (VII–VI вв. до н. э.) греки, перенимая мистические египетские культы, не используют в качестве главной божественной фигуры Гермеса: первые греческие мистерии строятся вокруг Диониса и Орфея. Первый – бог, через собственный опыт смерти преодолевший смерть (=Осирис), второй – богочеловек, герой, связующий божественный и человеческий миры. Гермес отличен от обоих вариантов, он – бог, обладающий властью путешествовать между мирами (в таком качестве он присутствует вместе с Дионисом перед тронном Аида на вазе из музея Толедо в Огайо, IV в. до н. э.). Впоследствии фигура Гермеса должна была претерпеть определенные изменения для того, чтобы стать центральным персонажем мистического учения.

Платон. Платон сделал довольно много для того, чтобы впоследствии и его стали считать учеником египетских жрецов Гермеса-Тота. Эта традиция формируется гораздо позже пифагорейской и основывается в том числе на текстах самого философа, рассказывающих об обоих богах (о чем подробнее см. ниже). В результате Тертуллиан считает Платона последователем египетского Гермеса («...Mercurium Aegyptium, cui graecis Plato adueit». De anima 2.3), а примерно веком позже Ямвлих уверенно сообщает, что Пифагор и Платон были в Египте и изучали стелы Гермеса с помощью местных жрецов (Myst. 1.2).

Непосредственная связь с Платоном впоследствии сыграла на руку герметикам: Платон, черпавший мудрость от самого Гермеса, становится важнейшим вдохновителем философской части герметизма. В поздней Античности эти три фигуры, Пифагор, Платон и Гермес Трисмегист, часто рассматриваются как равновеликие [8, р. 257] и в одинаковой степени авторитетные для более «молодых» учений, таких как христианство (как известно, Лактанций использовал фигуру Трисмегиста для фундирования христианского учения). Далее будет изложена история формирования этой фигуры, некоего гибрида эллинской и египетской мудрости. Египетская, судя по всему, всегда оставалась превалирующей – соответствующие старания были приложены эллинистическим Египтом, стремящимся обеспечить таким образом свой мировой престиж [8, р. 9].

История отождествления Гермеса и Тота. Хронология

Несомненное отождествление двух богов произошло примерно в IV в. до н. э. в эллинистическом Египте. Однако первое свидетельство об этом мы вновь находим у Геродота. Во второй книге, посвященной Египту, он рассказывает о храме богини Бастет, соответствующей, по его словам, эллинской Артемиде, в египетском городе Бубастис. Из этого храма некая дорога ведет к святилищу Гермеса ($\delta' \acute{\epsilon}\varsigma \text{ Ἑρμῆω ἱρόν}$, II.137–138). Египетского соответствия Геродот не приводит, однако очевидно, что речь идет о Тоте (такую интерпретацию дает уже Фестужьер [6, p. 91]). Платон, однако, не отождествляет Гермеса и Тота, которого называет по-своему, Тевт ($\Theta\epsilon\upsilon\theta$, см. Phdr. 274c – 275b и Phlb. 18b). Здесь важно отметить, что платоновское восприятие этого божества отличается от «общепринятого»: во-первых, такой вариант имени Тота используют после Платона только опирающиеся на него авторы, такие как Гален и комментаторы Платона. Стандартный вариант имени Тота – $\Theta\acute{\omega}\theta$ (см. выше фрагмент Аристоксена, см. также фрагмент финикийского историка I в. н. э. Филона Библиского, в котором он говорит, что египтяне называют Тота $\Theta\omega\acute{\upsilon}\theta$, александрийцы – $\Theta\acute{\omega}\theta$, а греки перевели его как «Гермес»; Jacoby-F 3с,790, F, fr. 1, 45). Во-вторых, в рассказе о Тевте Платон сомневается в его божественной природе: в «Федре» называет его то богом, то даймоном, а в «Филебе» – то ли богом, то ли божественным человеком.

В IV в. до н. э. формируется образ египетского Гермеса-Тота, который впоследствии станет Трисмегистом. Аристоксен, как мы видели, снабжает его функцией изобретателя наук, то же делает его современник, историк Гекатей Абдерский, по версии которого египетский Гермес изобрел множество вещей, полезных для общественной жизни, $\kappa\omicron\iota\nu\delta\acute{\omicron}\nu \beta\iota\omicron\nu$ (алфавит, астрономия, музыку, гимнастику, танец и т. д. – фрагмент известен в пересказе Диодора Сицилийского, I.16.2).

В III–II вв. до н. э. иудейская традиция воспринимает Гермеса с функциями Тота (первоизобретатель наук, навигации, инженерии, философии, толкования священных писаний) и, в свою очередь, отождествляет его с Моисеем, как сообщает Евсевий Кесарийский, рассказывая историю об Артапане (PE IX.27.4–7). В самом Египте с III вв. до н. э. обнаруживаются надписи со стандартными египетскими формулами $\mu\acute{\epsilon}\gamma\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota \mu\acute{\epsilon}\gamma\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \theta\epsilon\acute{\omicron}\varsigma \mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ рядом с именем Гермес [7, p. 26]. Эмфатическое повторение эпитета «великий» дважды характерно для египетских надписей: подобную формулу находим, например, на Розеттском камне (196 г. до н. э.) – «И он дал всем справедливость, как Гермес великий и великий» ($\kappa\alpha\theta\acute{\alpha}\lambda\eta\epsilon\rho \text{ Ἑρμῆς } \acute{\omicron} \mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma \kappa\alpha\iota \mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$). Наконец, впервые эпитет «Трижды величайший» засвидетельствован в I в. н. э. у знаменитого астронома и астролога Трасилла,

упоминающего Гермеса Трисмегиста (ὁ λεγόμενος Τρισμέγιστος Ἑρμῆς) в астрологическом контексте [3, р. 36]. К этому времени Трисмегист уже общезвестен, он стал почти топонимом: например, он становится предметом шуточного сравнения у Марциала (V.24), а веком позже Элий Аристид возмущается, что для Платона Тевт и Гермес – не одно и то же и что Платон утверждает, что Тевт родился не в Гермополе, а в Навкратисе (Or. 3.287.23–288.2).

По разным версиям, в первой половине III в. до н. э. или, что более вероятно, позже, уже во время формирования Герметического корпуса [7, р. 29], появляется параллельно развивающаяся египетская мифологическая традиция, подхваченная герметиками. В письме Птолемею Филадельфу, ошибочно приписываемому гелиопольскому жрецу Манефону, выстраивается система двух Гермесов: Тот (Θῷθ), или первый Гермес, – автор священных текстов на иероглифическом письме, а его внук, второй Гермес, записал их в книгах (ἐν βιβλοῖς) в святилищах Египта (фрагмент цитируется по [8, р. 64, TH fr. 10b]). По мнению Г. Фаудена, различение двух Гермесов стало необходимым именно для объяснения природы герметических текстов: с одной стороны, они имеют действительно божественное происхождение (первый Гермес-Тот), а с другой – были записаны историческим лицом (второй Гермес [7, р. 29]).

История отождествления Гермеса и Тота. Предпосылки и последствия

На каком основании стало возможным это отождествление? Наиболее простой ответ заключается в схожести особенностей и функций двух божеств. Впрочем, при внешней схожести природа и происхождение этих функций почти всегда различны.

Египетский Тот, с одной стороны, был древним божеством луны. Отсюда его функция повелителя времени (луна определяет время) и тем самым повелителя над судьбами людей. Этим путем Тота становится подземным судьей человеческих душ. С другой стороны, Тот являлся советником верховного божества, будь то Ра или Осирис. Как главный советник и писец, он изобрел все науки, медицину, алфавит и магию как искусство воплощения слова в материи (подробнее см.: [6, р. 89–90; 7, р. 22–23]). Из этих атрибутов Тота почти ничто не находит прямого отражения в культуре греческого Гермеса. В. Фаут проводит некоторые параллели Гермеса с анатолийским лунным божеством Армой⁵ [5, р. 1074], Фестюкьер приписывает Гермесу

⁵ Позже, после отождествления Гермеса с Тотом, Гермес уже может называться лунным божеством (см., напр., Plu. De Is. et Os. 355d). Интересно отметить, что Платон сообщает, что сыновьями луны называли себя бродячие орфики (Rp. 364b – 365a).

магические медицинские знания [6, р. 93]⁶. Безусловное сходство Гермеса и Тота заключается в их особом отношении к подземному миру.

Функция психопомпа. И Тот, и Гермес являются проводниками душ умерших в царство мертвых. В главе 125 Египетской книги мертвых эта функция Тота названа прямо: «Скажи это Проводнику Обеих Земель. – Кто это Проводник Обеих Земель? – Это Тот» (перевод М.А. Чегодаева). Особая задача Тота в царстве мертвых – судебная, что не присуще Гермесу, который лишь препровождает души к полям асфodelей, как сказано уже у Гомера (эпизод из последней книги «Одиссеи», где Гермес ведет в подземное царство души убитых женихов; *Hom. Od. XXIV, 1–13*). Жезл Гермеса, которым он усыпляет или оживляет смертных, восходит к его древнейшей ипостаси пастуха [5, р. 1070–1071]. В гомеровских поэмах и гимнах образ Гермеса-проводника соединяется с образом вестника богов, ночного соглядатая, вожатого сновидений (*H. Merc. 14–15*). Функция психопомпа, то есть божества, имеющего власть переходить из мира живых в мир мертвых и обратно, связана с упомянутой выше способностью Гермеса даровать память, простирающуюся на все перерождения, то есть свободу от посмертного забвения. Так Гермес оказывается важен для идеи метемпсихоза.

Функция разумного Слова – вторая точка сближения двух божеств, хотя в данном случае сложнее отделить независимый атрибут от влияния одного культа на другой. Гермес, безусловно, еще у Гомера описан проводником и своего рода коммуникатором, но, вероятно, самое раннее непосредственное свидетельство, связывающее Гермеса со стихией слова, – Кратил Платона, в котором дается этимологическое объяснение имени бога: оно возводится к глаголам «говорить» (εἶρεῖν) и «замышлять» (ἐμήσατο, т. е. μῆδομαι), и, таким образом, обозначает «бога, который измыслил речь», Εἰρέμης, упростившегося до Ἑρμῆς (*Cra. 407e – 408b*, перевод Т.В. Васильевой). Платон логически выводит эту особенность Гермеса из его более известных ипостасей: вестник богов, ловкий в речах, покровитель рынка. Гермес – покровитель произнесенного слова и устной речи, тогда как Тот, или Тевт, у Платона выраженно ему противопоставлен: он изобретатель различных наук и письменности (*Phdr. 274c – 275b* и *Phlb. 18b*) и заведомо представлен Платоном в менее выгодном свете, потому что средство для памяти и мудрости (μνήμης τε γὰρ καὶ σοφίας φάρμακον, *Phdr. 274e6*), которое он предлагает, в действительности, напротив, губит память. Как было сказано выше, настоящую, ничем не разрушимую память дарует Гермес.

⁶ Фестюжьер использует слово ἐπιφθί, заклинания – чаще это слово встречается в связи с Орфеем (напр., *DS V.64.4*) и Фракией (напр., *Pl. Chrm. 175e*). Кстати, во Фракии существовал культ Гермеса-психопомпа [5, р. 1073].

В дальнейшем функция покровителя и повелителя слова плотно связывается с Гермесом, «слово» и Гермес становятся даже синонимами. В Деяниях апостолов народ называет апостола Павла Гермесом, поскольку он «начальствовал в слове» (Act.Ap. 14:12). Для Плутарха синонимом слова является и египетский Гермес (De Is. et Os. 373b); в начале своего сочинения «О мистериях» Ямвлих также называет Гермеса ὁ τῶν λόγων ἡγεμών (Myst. 1.1). 28-й орфический гимн прославляет Гермеса как вестника Зевса и пророка слова среди смертных (λόγου θνητοῖσι προφήτα), а в конце проситель умоляет бога дать ему изящество речи и память (λόγου χάρισιν καὶ μνημοσύνησιν). Наконец, появляется традиция объяснять имя бога через глагол ἐρμηνεύω – «толковать»/ «излагать»: в уже приводившемся отрывке Диодор Сицилийский пишет, что Гермес научил греков искусству изложения (или толкования), τὰ περὶ τὴν ἐρμηνείαν, и за то был прозван Гермесом (I.16.2).

Вместе с тем египетский Тот передал Гермесу Трисмегисту другой, важнейший аспект его взаимодействия со словом, характерный для египетской культовой среды. Будучи секретарем верховного бога, Тот формулирует и записывает его мысли. Жрецы главного святилища Тота в городе, который греки называли Гермеполь, а египтяне – Хемену, развили эту способность Тота до демиургической: Тот создает мир через слово [8, p. 18 sq., 7, p. 27]. Трансформация материи через слово, в том числе записанное, – один из основных принципов магии, покровителем которой является Тот. Создание с помощью слова не является исконно античной идеей: когда античная устная культура сталкивается с магической письменной египетской, появляется возможность для создания божественной фигуры – воплощенного Логоса, объединяющего в себе искусство речи, божественный разум и демиургические функции. Не случайно и то, что на стыке этих двух культур возникает такой влиятельный научный центр, как Александрия Египетская.

Заключение

История появления фигуры Гермеса Трисмегиста позволяет сделать некоторые предварительные выводы о характере герметической мистериальности.

Ко времени создания Герметического корпуса Гермес Трисмегист, вобрав в себя функции греческого Гермеса и египетского Тота, в конце концов после разделения на двух Гермесов приобретает человеческую природу в качестве второго из них. У позднеантичных авторов он становится в один ряд с другими выдающимися людьми или героями. Однако, как кажется, именно это позволяет Трисмегисту стать центральной мистической фигурой наподобие Орфея, Геракла или Асклепия: смертный, получивший божественное

откровение и очистивший свою природу, достигнув в конце концов бессмертия и фактически обожествления, – идеальный мистический учитель (в [7, р. 28] приводятся иллюстрирующие примеры из Герметического корпуса). К этому прибавляется давняя способность Гермеса путешествовать между мирами, что сообщает ему тайные бесценные знания. На искусстве памяти и магии основывается прочная герметическая эзотерическая традиция. Проводническая функция Гермеса обеспечивает трансцендентность герметическому учению. Существование египетских мистических ритуалов, связанных с Гермесом-проводником между человеческим и божественным мирами, подтверждается и магическими папирусами: сохранились тексты воззваний жрецов, призывающих Гермеса войти в них, как плод входит в женщину, и отождествиться с ними [7, р. 25–26]. Эти предварительные данные, требующие, безусловно, дальнейшего изучения, позволяют говорить о наличии египетской мистерияльной традиции, связанной с египетским Гермесом – в терминологии Цицерона четвертым и пятым.

Присутствовала ли мистическая составляющая в культе греческого Гермеса? Напомню, что пятый Гермес Цицерона – греческого происхождения, ему изначально поклонялись фенеты, народ в Аркадии. Известно, что в городе Фенеос в этой области проводились игры в честь Гермеса – Гермей (см., напр., у Павсания: Paus. VIII.14: «Из богов фенеаты почитают больше всего Гермеса и устраивают в его честь игры, Гермей (Ἑρμεία); у них есть храм Гермеса и его мраморная статуя»; перевод С.П. Кондратьева). Эти игры проводились и в других областях Эллады, в том числе и в Аттике: например, действие диалога Платона «Лисид» разворачивается во время Гермеев. Этот праздник, по сохранившимся свидетельствам (кроме Платона, см. Aesch. Tim. 10–12), представлял собой спортивные состязания эфебов, поскольку, помимо прочего, Гермес покровительствовал молодежи и гимнастике (напр., у Пиндара – по [6, р. 93])⁷.

Эта традиция не нашла отражения в феномене египетского Гермеса Трисмегиста. Однако, будучи по своей сути детищем египетской традиции, он прошел несколько стадий эллинизации – вероятно, начиная со времен пифагореизма, – в ходе которой приобрел некоторые греческие черты, прежде всего владение сферой устного слова и памяти, что сыграло заметную роль и в оформлении герметического эзотеризма.

⁷ Примечательна параллель с празднованием «кабирий» в гимнасии Пергама, которые засвидетельствованы здесь, по крайней мере, с I в. до н. э. Точно так же это «мистерияльное» действо в честь Кабиров включало в себя различные «театрализованные» обряды инициации юношей, такие как ритуальная погоня за жертвенным бараном. Аналогичные свидетельства имеются и в связи с фиванским культом Кабиров. Учитывая важность фигуры Гермеса в Самофракийских мистериях и танствах Кабиров, эта параллель показывает, что, по крайней мере, в эллинистический и раннеримский период фигура Гермеса входила в круг античных посвященных культов.

Литература

1. Жмудь А.Я. Зарождение истории науки в Античности. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. – 424 с.
2. Broek R. van der. Religious Practices in the Hermetic 'Lodge': New Light from Nag Hammadi // From 'Poimandres' to Jacob Böhme. Gnosis, Hermetism and the Christian Tradition. – Amsterdam: Bibliotheca Philosophica Hermetica, 2000. – P. 77–95.
3. The Tradition of Hermes Trismegistus: The Egyptian Priestly Figure as a Teacher of Hellenized Wisdom / ed. by Chr.H. Bull. – Leiden; Boston: Brill, 2018. – 532 p.
4. Burkert W. Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture. – Cambridge; London: Harvard University Press, 2007. – 179 p.
5. Fauth W. Hermes // Der Kleine Pauly: Lexikon Der Antike. – Stuttgart: Alfred Druckenmueller Verlag, 1964. – P. 1069–1075.
6. Festugière A.-J. La rivelazione di Ermete Trismegisto. L'astrologia e le scienze occulte / A cura di M. Neri. – Milano; Udine: Mimesis, 2019. – 515 p.
7. Fowden G. The Egyptian Hermes. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – 246 p.
8. Hermetica II: The Excerpts of Stobaeus, Papyrus Fragments, and Ancient Testimonies in an English Translation with Notes and Introductions / M.D. Litwa, transl. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 374 p.
9. Corpus Hermeticum. T. 1–2 / A.D. Nock, A.-J. Festugière, eds. – Paris: Les Belles Lettres, 1960. – 406 p.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022.

Статья прошла рецензирование 11.09.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-70-82

ELUSIVE HERMES: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF HERMES AND THOTH AND THE MYSTERY ASPECT OF HERMETICISM*

Zolotukhina, Anastasia,

Candidate of Sciences (Philology),

Researcher, Institute of Philosophy and Law,

Novosibirsk State University,

1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9332-1337

a.auriauris@gmail.com

Abstract

The article treats the history of the identification of the Greek Hermes and the Egyptian Thoth, which eventually brought to existence the figure of Hermes Trismegistus, the founder of Hermeticism. The treatment of the complex genesis of this figure is connected with the solution of an important question for understanding the phenomenon of Hermeticism: what significance did Hermeticism grant to the mystery component? The problem stems from the structure of the Hermetic Corpus itself, which consists of philosophical texts of Greek origin and esoteric texts dating back to the Egyptian tradition. The history of Hermeticism is traced in the article as the history of the mutual influence of Ancient Egypt and Ancient Greece. Through the figure of Pythagoras I establish a connection between Pythagoreanism, Hermes and Egyptian mysteries. Plato, then, gives an original view of Hermes and Thoth; the next step is a transition to the Hellenistic Egypt, where the two deities were identified. The final step is the first evidence of Hermes Trismegistus and its origin. The article examines the reasons and possibilities for such an identification: the main functions of Hermes and Thoth, which at first glance are identical, present some discrepancies. First, the function of *psychopompos*: I draw attention to the concept of memory, power upon which is unique to the Greek Hermes; second, the power upon word, *logos*: while Hermes has the realm of the spoken word, Thoth is associated with the written text and thus magic (magical Egyptian practices are based on the power of the written word). The metamorphosis of Hermes from god to daimon and, finally, to man is also important (on the basis of the evidence of Plato and later hermetic mythology): this provided Hermes with the opportunity to become a central figure and conductor of mystical teachings, like Orpheus.

Keywords: history of Hermeticism, mystery cults, Hermes Trismegistus, Thoth, Egyptian magical tradition, Pythagoreanism, Plato, ancient Greek religion.

* The research is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 22-18-00025.

Bibliographic description for citation:

Zolotukhina A. Elusive Hermes: The Problem of Identification of Hermes and Thoth and the Mystery Aspect of Hermeticism. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 4, pt. 1, pp. 70–82. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-70-82.

References

1. Zhmud' L.Ya. *Zarozhdenie istorii nauki v Antichnosti* [The Origin of the History of Science in Antiquity]. St. Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 2002. 424 p.
2. Broek R. van der. Religious Practices in the Hermetic 'Lodge': New Light from Nag Hammadi. *From 'Poimandres' to Jacob Böhme. Gnosis, Hermetism and the Christian Tradition*. Amsterdam, Bibliotheca Philosophica Hermetica, 2000, pp. 77–95.
3. Bull Chr.H., ed. *The Tradition of Hermes Trismegistus: The Egyptian Priestly Figure as a Teacher of Hellenized Wisdom*. Leiden, Boston, Brill, 2018. 532 p.
4. Burkert W. *Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture*. Cambridge, London, Harvard University Press, 2007. 179 p.
5. Fauth W. Hermes. *Der Kleine Pauly: Lexikon Der Antike*. Stuttgart, Alfred Druckenmueller Verlag, 1964, pp. 1069–1075.
6. Festugière A.-J. *La rivelazione di Ermete Trismegisto. L'astrologia e le scienze occulte*. A cura di M. Neri. Milano, Udine, Mimesis, 2019. 515 p.
7. Fowden G. *The Egyptian Hermes*. Princeton, Princeton University Press, 1993. 246 p.
8. Litwa M.D., transl. *Hermetica II: The Excerpts of Stobaeus, Papyrus Fragments, and Ancient Testimonies in an English Translation with Notes and Introductions*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 374 p.
9. Nock A.D., Festugière A.-J., eds. *Corpus Hermeticum*. T. 1–2. Paris, Les Belles Lettres, 1960. 406 p.

The article was received on 02.09.2022.

The article was reviewed on 11.09.2022.